

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Биктимиров В. Э.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9435-3311
E-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru

УДК 821.112.2-31
DOI 10.26170/ФК19-04-21
ББК Ш33(4Гем)64-44
ГРНТИ 17.07.41
Код ВАК 10.01.03

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ VS. УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ: ГЕРОЙ-ЧИТАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ РОМАНЕ (на материале произведений Б. Шлинка «Чтец» и Й. Шимманга «Новый центр»)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию современной немецкоязычной прозы в аспекте проблем саморефлексии литературы. Утверждается, что среди множества жанровых инвариантов метаромана существует роман о чтении, сюжетная организация которого строится вокруг изображения читательской деятельности литературного героя. Чтение книг уподобляется обряду инициации: герой обращается к литературному произведению как источнику сакрального знания, способному предоставить ему ответы на волнующие его вопросы. В процессе знакомства с литературой персонаж стремится извлечь нравственные уроки из книг, использовать их как способ познания себя и внешнего мира. Такой вариант развития действия присутствует и в романах «Чтец» Бернхарда Шлинка и «Новый центр» Йохена Шимманга, чьи произведения послужили материалом для статьи. Творчество двух писателей сближают, с одной стороны, приверженность традициям послевоенной литературы, а с другой стороны, обращение к металитературной мысли. Цель статьи – проанализировать функционирование образа героя-читателя в романах Б. Шлинка и Й. Шимманга. Методология в решении поставленной цели носит синтетический характер. Среди методов, в опоре на которые выполняется исследование, используются интертекстуальный, историко-культурный и сравнительно-исторический методы. Доказывается, что и Б. Шлинк, и Й. Шимманг воспроизводят в своих произведениях классическую мифологию книги, согласно которой художественная словесность – это неотъемлемый элемент просвещения и совершенствования человека. Однако названные авторы интерпретируют вопрос о роли литературы в жизни по-разному. Если Б. Шлинк показывает позитивное влияние литературы на свою героиню, то Й. Шимманг на примере читательской деятельности своих персонажей разрушает утопическую мысль о гуманистической действенности литературы, подвергая сомнению идею ее состоятельности в роли культуросозидающей практики. Результаты проведенного анализа не только позволяют осветить особенности литературного процесса в Германии XX–XXI вв., но и обозначить перспективы дальнейших исследований, в частности изучение поэтологических особенностей романов о читателе.

Ключевые слова: герой-читатель; литературная авторефлексия; романы; тема чтения; немецкая литература; немецкие писатели.

Biktimirov V. E.
Ekaterinburg, Russia

GREAT EXPECTATIONS VS. LOST ILLUSIONS: A HERO-READER IN A MODERN GERMAN NOVEL (Based on the Works of B. Schlink *Der Vorleser* and J. Schimmang *Neue Mitte*)

Abstract. The article is devoted to the study of modern German-language prose in the aspect of the problems of self-reflection of literature. It is argued that among the many genre invariants of the metanovel there is a novel about reading, where the plot organization is built around the image of the reading activity of a literary hero. Reading books is likened to the rite of initiation: the hero turns to a literary work as a source of sacred knowledge, able to provide him with answers to his questions. In the process of getting acquainted with literature, the character endeavors to draw moral lessons from books, to use them as a way of understanding oneself and the outside world. The similar development of action is found in the novels *Der Vorleser* by Bernhard Schlink and *Neue Mitte* by Jochen Schimmang, that served as material for the article. The creativity of two writers, on the one hand, brings together a commitment to the traditions of post-war literature, and on the other hand, appears to be an appeal to metaliterary thought. The purpose of the article is to analyze the functioning of the image of the hero-reader in the novels of B. Schlink and J. Schimmang. The methodology of the study is synthetic. The methods of the study include intertextual, historical-cultural and comparative-historical methods. It is proved that both B. Schlink and J. Schimmang reproduce the classical mythology of the book, according to which literary literature is an integral element of enlightenment and human perfection. However, these authors interpret the question of the role of literature in life in different ways. If B. Schlink shows the positive influence of literature on his heroine, while in J. Schimmang's example the utopian idea of the humanistic effectiveness of literature is destroyed, casting doubt on its consistency in the role of cultural-creating practice. The results of the analysis not only illustrate the features of the literary process in Germany of the XX–XXI centuries, but also outline the prospects for further research, particularly the study of the poetological features of novels about the reader.

Keywords: hero-reader; literary autoreflection; novels; topic of reading; German literature; German writers.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90017.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR, project number 19-312-90017.

Для цитирования: Биктимиров, В. Э. Большие надежды vs. утраченные иллюзии: герой-читатель в современном немецком романе (на материале произведений Б. Шлинка «Чтец» и Й. Шимманга «Новый центр») / В. Э. Биктимиров // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 163–169. DOI: 10.26170/FK19-04-21.

Наша статья посвящена романам, предметом изображения в которых является рефлексия о чтении, субъектом которой является литературный герой. До настоящего момента деятельность читателя неоднократно становилась предметом осмысления в теории литературы, в частности в работах представителей немецкой рецептивной эстетики (*die Rezeptionsästhetik*). Так, Вольфганг Изер отметил необходимость изучения процесса коммуникации читателя и художественного текста: «Эстетический отклик <...> должен быть проанализирован с точки зрения диалектических отношений текста, читателя и их взаимодействия. <...> он [эстетический отклик] задействует творческие и рецептивные способности читателя для того, чтобы заставить его скорректировать и даже дифференцировать собственный фокус» [Izer 1978] (*перевод наш* – В. Б.). В ходе чтения, по В. Изеру, в сознании человека происходит конструирование особых смыслов, осуществляемых посредством работы двух механизмов: воображения и субъективного опыта читателя. Результатом такого синтеза становится формирование ценностных понятий, приобретение новых знаний и интерпретация произведения. Данное «сотрудничество» может осуществляться не только реальным человеком, но и литературным героем, стремящимся использовать уроки литературы в собственной жизни.

Изображение деятельности читателя связано прежде всего с феноменом литературной авторефлексии, нашедшей свое частное воплощение в такой жанровой разновидности металитературы, как метароман. На сегодняшний момент метароман описывается в науке как текст о создании текста («роман о романе»), где главным героем является автор-демиург. В то же время, исследователи выделяют и такой тип метаромана, в котором повествование связано не с описанием процесса творчества, а с описанием рефлексивной деятельности персонажа. Ключевой фигурой в подобных текстах является герой-читатель, стремящийся использовать литературный опыт в процессе познания себя и окружающего мира. В прозе о чтении автор акцентирует внимание на выяснении «взаимоотношений между литературой и ее реципиентом» [Турьшева 2010: 72]. Следовательно, проза о чтении манифестирует «философию бытия человека в реальности, смысловое содержание которой в его сознании не в последнюю очередь формирует художественная словесность» [там же].

В настоящей работе мы проанализируем образ героя-читателя на материале романов современных немецкоязычных авторов: «Чтец» (*Der Vorleser*, 1995) Б. Шлинка и «Новый центр» (*Neue Mitte*, 2011) Й. Шимманга.

Творчество Бернхарда Шлинка (*Bernhard Schlink*, р. 1944) и Йохена Шимманга (*Jochen Schimmang*, р. 1948) продолжает традиции послевоенной литературы (*Nachkriegsliteratur*). Оба писателя выбирают в качестве фона

For citation: Biktimirov, V. E. (2019). Great Expectations vs. Lost Illusions: a Hero-Reader in a Modern German Novel (Based on the Works of B. Schlink *Der Vorleser* and J. Schimmang *Neue Mitte*). In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 163–169. DOI: 10.26170/FK19-04-21.

для своих романов широкую историческую панораму: Б. Шлинка описывает процесс судебных разбирательств 1970–1980-х годов, в ходе которых решался вопрос о причастности немцев к массовому геноциду еврейской нации; Й. Шимманг переносит действие своего романа в будущее, изображая альтернативный путь духовного и общественно-политического развития послевоенной Германии, наполненной атмосферой всепоглощающего хаоса и неизвестности. Современное поколение немецких писателей не только вновь открывает страницы национальной истории, но и ставит вопросы о возможных путях развития общества. Апелляция к немецкой истории является одной из магистральных черт немецкоязычной литературы Новейшего времени, что неоднократно фиксировали как историки литературы, так и писатели. Так, например, Гюнтер Грасс в лекции по случаю получения Нобелевской премии по литературе отметил, что, «когда в Германии провозглашался „Eine Stunde Null“ („час ноль“, конец послевоенного времени), – в последний раз это было десять лет назад, когда пала Берлинская стена и единство Германии зафиксировали на бумаге, – всякий раз нас снова настигало прошлое» [Грасс 2000].

Роман Бернхарда Шлинка «Чтец» посвящен ключевой проблеме немецкой литературы конца XX столетия – теме непреодоленного прошлого (*unbewältigte Vergangenheit*). По справедливому замечанию А. И. Борозняка, возникший в 1950-х годах курс на преодоление прошлого – это программа «„общенационального извлечения уроков“ из истории „Третьего рейха“» [Борозняк 2001: 19], призыв к «моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне» [там же]. Подобное движение было реализовано в политике, юриспруденции, в том числе и в культуре (кинематографе, живописи, литературе). Об этом писал и сам Б. Шлинка в своей критической работе «Роль права в преодолении прошлого» (*Die Bewältigung von Vergangenheit durch Recht*, 1998), в которой он акцентирует внимание своих соотечественников на вопросах о коллективной вине нации, о внутреннем конфликте молодых немцев и сложности их нравственного выбора: осудить или принять вину родителей, совершивших преступления под знаменем национал-социалистической партии.

Традиционно произведение Шлинка рассматривают в аспекте изучения проблемы «человек и война», что отразилось в работах как зарубежных [Donahue 2001; Niven 2003], так и отечественных ученых [Шарыпина 2012; Платицына 2015]. Центральной эстетической проблемой романа, находящей свое воплощение в особой сюжетной организации, является взаимодействие человека с художественным словом. Чтение литературы, ее осмысление в изображении Шлинка схоже с обрядом инициации: герой обращается к лите-

ратурному произведению как источнику сакрального знания, способному предоставить ему ответы на волнующие его сознание вопросы. В процессе знакомства с книгой персонаж стремится извлечь нравственные уроки из литературы, использовать их как способ познания себя и внешнего мира. Такой вариант развития действия, который мы будем называть сюжетом о чтении, присутствует и в произведении Б. Шлинка «Чтец».

Героиню романа Шлинка – Ханну Шмиц – сложно назвать героем-читателем в точном значении данной характеристики. Героиня, как впоследствии во второй части произведения узнает главный герой шлинковского романа Михаэль Берг, безграмотна. Согласно точке зрения Г. В. Кучумовой, в романе реализуется «архетипическая модель чтения вслух» [Кучумова 2010: 28]. Благодаря совместному читательскому труду Михаэль знакомит Ханну с образцами классической литературы – от «Эмилии Галотти» Г. Э. Лессинга до романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Михаэль Берг и Ханна Шмиц представляют собой бинарную пару искушенного и наивного читателя. Героиня Шлинка не ищет сакрального смысла в текстах и не старается постичь авторский замысел; напротив, Ханна «слушает» литературу, воспринимая ее на глубоком эмоционально-личностном уровне: «Она была очень внимательной слушательницей. По ее смеху, презрительному фырканью, гневным восклицаниям или просто отдельным репликам было ясно, с каким вниманием следит она за развитием сюжета, как было понятно и то, что Эмилию с Луизой она считает просто дурочками» [Шлинка 2016: 47]. Михаэль выступает в роли проводника Ханну в мир словесного искусства, подобно Вергилию из «Божественной комедии» Данте Алигьери. Юноша скрупулезно, с особым вниманием подбирает тексты для своей возлюбленной, которые, по мысли героя, не оставят ее равнодушной к сюжетным коллизиям и перипетиям. Важно отметить, что процесс чтения перерастает не просто в знакомство с художественной литературой, а в особую церемонию («Чтение вслух, душ, занятия любовью, а потом еще немножко нежностей в постели – таков был теперь неизменный ритуал наших свиданий» [Шлинка 2016: 47]), содержание которой – передача опыта от одного субъекта к другому. Герои совершают равноценный взаимообмен: если Михаэль вводит Ханну в сферу литературного творчества, то Ханна в свою очередь знакомит юношу с миром естественного порядка взаимоотношений мужчины и женщины. Многократная смена ролей героев позволяет «автору поочередно высвечивать то одну фигуру чтеца, то другую. При этом мужская перспектива повествования в романе акцентирует значимость в постмодернистской культуре именно роли „культурного“ чтеца, интерпретатора новой реальности» [Кучумова 2010: 28].

Изображение процесса чтения («слушания») у Шлинка созвучно идеям Ролана Барта о чтении как удовольствии. В эссе «Удовольствие от текста» (*Le plaisir du texte*, 1973) французский теоретик отмечает, что «текст-удовольствие – это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с ней и практикой комфортабельного чтения» [Барт 1989: 471]. Развивая

концепцию «текста-удовольствия» и «текста-наслаждения», Барт выделяет две группы текстов: к первой группе он относит тексты классической литературы, а ко второй – произведения модернизма. Примечательно, что повествователь в «Чтеце» выбирает для чтения тексты исключительно из фонда классической литературы: «По-моему, выходить за рамки прозы Кафки, Фриша, Йонсона, Бахман и Зигфрида Ленца, чтобы обратиться к экспериментальной литературе, то есть такой, где нет сюжета <...> это было не интересно ни мне, ни Ханне» [Шлинка 2016: 187]. Выбор Михаэля обоснован тем решением, что «экспериментальная литература» сложна как с точки зрения ее восприятия на слух, так и с точки зрения ее интерпретации. Кроме того, такая литература, по мысли Р. Барта, вызывает «чувства потерянности, дискомфорта (порой доходящие до тоскливости); <...> расшатывает исторические, культурные и психологические ценности, воспоминания» [Барт 1989: 471]. Чтение литературы подобного рода предназначено в первую очередь для искушенного читателя, но не для читателя, не имеющего достаточного эстетического опыта, которым и является Ханна.

Личностный характер восприятия литературы Ханной получает свое дальнейшее развитие во второй части романа, действие которой строится вокруг судебных разбирательств по делу о жертвах Холокоста. Героиня Шлинка боится сделать свою неграмотность достоянием общественности, что вынуждает ее признать вину за преступления, которые она не совершала. Находясь в заключении, Ханна начинает учиться читать, прослушивая аудиозаписи, предоставленные ее бывшим возлюбленным. По словам надзирательницы тюрьмы, «она [Ханна] научилась читать благодаря вам. Она брала из библиотеки книги, которые вы наговаривали на кассеты, и следила по тексту – фраза за фразой, слово за словом» [Шлинка 2016: 209]. Примечательно, что первой книгой, по которой Ханна обучается чтению и правописанию, является поэма «Одиссея» Гомера. Шлинка воспроизводит общеизвестное суждение о том, что Античность – это колыбель европейской цивилизации и культуры. Ханна буквально обращается к истокам становления словесности, проходя путь интеллектуального просвещения шаг за шагом – от первооснов к современности.

Ханна имеет много общего с фигурой Одиссея. Связующей нитью двух образов является мотив путешествия: Одиссей движется сквозь пространство, возвращаясь на родину; Ханна передвигается из города в город, от работы к работе, чтобы скрыть собственную необразованность. Оба героя прибегают к хитрым уловкам, чтобы избежать неминуемой опасности и сохранить свою жизнь. Интерпретация образа Ханны через семантический ореол мифологического персонажа образует античный подтекст романа, благодаря которому раскрывается трагическое содержание жизненного пути героини. Рецепция античных сюжетов и образов – одна из ключевых тенденций развития литературы Германии. Современные писатели обращаются к культурному наследию прошлого с целью осмысления трагических реалий современности. В этом отношении Шлинка следует многовековой традиции, нашедшей свою новую актуализацию в творчестве не-

мецких писателей самых разных литературных жанров на рубеже XX–XXI веков (К. Вольф, Х. Мюллер, Б. Штраус и др.).

Следуя по страницам Гомера, Ф. Шиллера, И. В. Фон Гёте, С. Цвейга, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Ханна пытается найти ответ на самый главный для себя вопрос – вопрос о самоопределении. Возможно, роман Шлинка может опровергнуть мысль, представленную в работе «Западный канон. Книги и школа всех времен» историка литературы и культуры Гарольда Блума: «Чтение самых лучших авторов – скажем, Гомера, Данте, Шекспира, Толстого – не сделает нас лучше как граждан» [Блум 2017: 26]. Скептическое замечание Блума не соответствует описанию того, как развивается моральное сознание героини, так как цель, которую преследует Ханна, – преодоление чувства собственного стыда за причастность к трагическим событиям Второй мировой войны. Из текстов, которые Михаэль читал вслух Ханне, и тех, что героиня читает самостоятельно, она пытается извлечь безусловные истины и ценности, вне которых невозможна жизнь в обществе и культуре. «Шлинка описывает самый крайний, пожалуй, вариант эмпатического восприятия – восприятия, сосредоточенного исключительно на поиске самопонимания и самооправдания – при полном равнодушии к авторам, но с глубочайшим вниманием к историям героев» [Турышева 2011: 223].

Героиня Шлинка, научившись читать, «сделала шаг к тому, чтобы стать полноценной, ответственной личностью» [Шлинка 2016: 190]. Теперь уже обращаясь к книгам о жертвах нацизма, Ханна связывает с чтением свои устремления и надежды на то, что сможет искупить вину за совершенные преступления. Однако читательская рефлексия героини приводит ее к трагическому исходу: обострившееся чувство вины вынуждает Ханну покончить жизнь самоубийством. Будучи неспособной к осознанным решениям и став надзирателем в концлагере, героиня в опыте самопознания выносит себе смертный приговор. Вопреки трагическому финалу, мы видим, что вызванное чтением литературы критическое осмысление собственного «Я» является значимым элементом морально-нравственного преобразования героини, разрешением ее личной трагедии и преодолением прошлого.

Другой пример метаромана о чтении представлен в творчестве современного немецкого писателя и литературного критика Йохена Шимманга. В зарубежной научной мысли его роман «Новый центр» причисляют к образцам современной прозы, в которых изображается «апокалиптическая общественная панорама» (*apokalyptischen Gesellschaftspanoramen*) [Butzlaff 2015: 171] (*перевод наш* – В. Б.). Среди них – «Черная гора» (*Am Schwarzen Berg*, 2012) А. К. Хан, «Остров Могила» (*Ostrov Mogila*, 2013) К. Зимон, «Чистосердечный человек» (*Der aufrechte Mann*) Д. Лонго, «Птичье пастбище» (*Vogelweide*, 2013) У. Тимма. Шимманг изображает Германию будущего (2029–2030 гг.) в состоянии общественно-политического кризиса, вызванного военными и террористическими действиями против мирного населения со стороны правящей политической группировки – хунты. Немецкий романист изображает городской ландшафт исключительно в невыносимо-трагических тонах: повсюду

«разбитые витрины и невывезенный мусор» [Шимманг 2013: 226], а вместо зданий только «огромные кучи обломков, которые потом присыпали землей и кое-где посеяли травку» [Шимманг 2013: 9]. После свержения тоталитарного режима хунты и возглавляющего ее мистического Генерала полуразрушенный Берлин пытаются восстановить люди самых разных творческих и прикладных профессий, в число которых входят главные действующие лица романа – библиотекарь Зандер и его помощник Ульрих Андерс.

Прежде чем приступить к анализу, мы считаем необходимым остановиться на художественных особенностях романа Шимманга, во многом проясняющие не только тенденции развития современной немецкоязычной литературы, но и специфику художественного сознания писателя.

Согласно точке зрения Д. А. Чугунова, не менее значимым условием обновления различных форм немецкой словесности после 90-х годов является тот факт (об этом см. [Кучумова 2010]¹), что писатели объединенной Германии «преодолевают различные искусства постмодернизма и все чаще задают важные вопросы, ищут важные смыслы бытия, ищут героев, личности, наконец – просто красоту» [Чугунов 2013: 107]. Вопреки суждению исследователя, панорама развития немецкоязычной литературы 2000–2010-х годов отмечена очередным всплеском интереса к постмодернистской поэтике и эстетике минувшего столетия. Такие художественные тексты, как «Фосфор» (*Phosphor*, 2000) С. Лагера, «Аустерлиц» (*Austerlitz*, 2001) В. Г. Зебальда, «Я буду здесь на солнце и в тени» (*Ich werde hier sein im Sonnenschein und im Schatten*, 2008) К. Крахта и др., вновь воспроизводят магистральные особенности пост-искусства, в числе которых можно отметить пародийную интертекстуальность, метанарративность, смешение массового и элитарного, интермедийность и т. д. Эта же тенденция прослеживается и в романе Й. Шимманга. Автор с самых первых страниц «уводит» читателя в бесконечный лабиринт из цитат, аллюзий, отсылок, усиливающих интертекстуальную многослойность романа. Так, например, ресторан, в котором действующие лица романа неоднократно проводят свои вечера, называется «Le Plaisir du texte» (*Удовольствие от текста*), что в свою очередь отсылает нас к одноименному эссе французского семиотика Р. Барта. Подобного рода философско-эстетические коды пронизывают весь роман. Среди них – элементы антиутопической традиции изображения «дивного нового мира» и постмодернистские традиции, нашедшие свое воплощение в образе «вавилонской библиотеки».

Вернемся к персонажам-читателям шимманговского романа. Имя главного героя, от лица которого ведется повествование, – Ульрих, отсылающее нас к роману австрийского писателя Р. Музиля «Человек без свойств»

¹ Развитие современной литературы Германии ознаменовано возникновением новых романских форм («культурный каталог», детективный «роман-матрешка», роман-пародия, постмодернистские версии романа о художнике, трансгрессивный роман), возвращением к традициям «линейного письма», осуществлением писателями поиска иных культурных моделей и архетипов для восстановления утраченной идентичности и др. Подробнее об этом см. в диссертационном исследовании Г. В. Кучумовой «Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980–2000 гг.)».

(*Der Mann ohne Eigenschaften*, 1943). Ульрих с самых юных лет позиционирует себя как истовый читатель: «В старших классах я был практически единственным, кто еще читал книжки, *игнорируя предисловия, совершенно бессистемно* (курсив наш – В. Б.), зато – ночи напролет, запоем. Более того, именно по этой причине я решил изучать германистику и философию, которые давно уже вышли из моды» [Шимманг 2013: 15–16]. Читательская компетентность героя, казалось бы, успешно проявляется в ряде случаев: Ульрих предоставляет развернутый критический комментарий к каждой новой книге, увиденной в библиотеке; вступает в литературное состязание со своей возлюбленной Элионор Ригби на знание лирических произведений поэтов мировой словесности. Однако, несмотря на кажущийся интеллектуализм героя, Ульрих не способен опереться на литературный опыт в собственной жизни. Репрезентативным примером является знакомство героя-нарратора с другим персонажем – Фродо, имя которого не вызывает у него должных литературных ассоциаций: «У него было странное имя Фродо, которого я никогда раньше не встречал, и пышные светлые волосы – вьющиеся кудри спускались ему на плечи» [Шимманг 2013: 104]. Вероятно, герой не читал трилогию «Властелин колец» Дж. Р. Толкиена, знание которой могло бы предостеречь его от последующих разочарований. Подобно своему литературному прототипу, Фродо оказывается не в силах бороться с искушением, предпринимая отчаянный шаг – вопреки моральным убеждениям вступить в любовные взаимоотношения с возлюбленной Ульриха Элионор.

Не сумел герой распознать и коварство возлюбленной, которое, по словам Зандера, является основой известной коллизии, встречающейся «и в литературе, и в так называемой реальной жизни» [Шимманг 2013: 331]. Книга, которую герой читает на протяжении всего действия («Заговор Сони» Г. Корфа), создана авторским воображением Й. Шимманга. Сюжет детективного романа завязан на любовной интриге чиновника и агента Министерства государственной безопасности ГДР, в результате которой возлюбленная Соня внушает герою – Карлу Шмитцу – мечты о безграничной любви и счастье, а впоследствии бесследно исчезает из его жизни. Сюжет вымышленного романа Г. Корфа публикуется во взаимоотношениях Ульриха и Элионор. Любовные чувства героя терпят крах, когда Ульрих обнаруживает, что его возлюбленная является тайным агентом мафии, для которой она разрабатывает парализующее людей и технику оружие массового поражения под названием «Белый мир». Распространившаяся новость о новом государственном перевороте в Германии вынуждает Элионор вернуться в Англию и скрываться от спецслужб мировых держав.

Простодушие Ульриха объясняется его сходством с героем средневековых романов Парцифалем, которое неоднократно отмечают и он сам, и другие действующие лица произведения Шимманга. Так, например, садовник Ритц называет повествователя Парцифалем в тот момент, когда Ульрих пытается преодолеть желание выяснить причину исчезновения своей возлюбленной Элионор: «Наверное, стоило спросить у нее. Хотя нет, Парцифаль вопросов не задает» [Шимманг

2013: 335]. Как и будущему хранителю Грааля, Ульриху свойственна пассивность и нерешительность: он не способен развеять завесу тайны собственного происхождения, предвидеть обман своей возлюбленной и товарищей. В результате герой испытывает горечь поражения: литература, в которой он стремился получить необходимый опыт как для строительства национальной библиотеки, так и для реализации собственного бытия, не смогла ему помочь.

Другим героем-читателем в романе Й. Шимманга является Зандер – духовный наставник Ульриха. Зандер вместе со своим учеником восстанавливает на руинах послевоенного Берлина библиотеку «Старые фонды», которая впоследствии должна стать духовно-просветительским центром нации. Проект Зандера носит исключительно утопический характер, подпитанный классической мифологией книги. Преобразование действительности, изменение жизни каждого человека, возрождение нравственной природы человечества, повышение общего культурного уровня – все это является составляющими того утопического проекта, который пытаются реализовать герои. Неслучайно библиотека становится для них «сердцем и памятью мира» [Шимманг 2013: 58]. Примечательно и то, что герои шимманговского романа обустроивают библиотеку – «новый центр» культурной памяти и сакрализации знания – именно на обломках последнего оплота тоталитарной власти, бывшего дома лидера восстания, «средоточия зла» [Шимманг 2013: 58].

Образ Зандера может быть осмыслен в контексте эссе В. Беньямина «Я распаковываю свою библиотеку», интертекстуальная отсылка к которому также присутствует в романе Шимманга. Автор описывает инвентаризацию книг, следуя за философскими высказываниями теоретика культуры: «О чем только не вспомнишь, оказавшись среди гор книжных ящиков и извлекая на свет их содержимое способом открытой выемки, либо, что еще лучше, с помощью глубинной разработки. От подобного занятия невозможно оторваться, и это еще больше усиливает его очарование» [Беньямин 2004: 442]. Зандер – это герой-библиофил, испытывающий интеллектуальную радость от своей деятельности. Однако устремлениям героя не суждено реализоваться: сторонники оппозиционного движения предпринимают попытку поджога библиотеки в знак протеста против новой культурно-идеологической программы.

Трагизм образа библиотекаря также подкрепляется идеей, проходящей красной нитью через весь роман: библиотека бесконечна¹. По мысли О. Н. Турышевой, «это борхесовское определение непосредственно звучит в тексте, предопределяя крушение судеб героев, которые слишком напоминают несовершенных библиотекарей „Вавилонской библиотеки“, потерпевших поражение в поисках книг оправданий и пророчеств» [Турышева 2018: 105]. Попадая в «книжный лабиринт» собственной библиотеки, Зандер не может примириться с реальностью и выбирает добровольный путь читателя-отшель-

¹ «По сути дела, каждое новое поступление порождает проблему и может потребовать нового принципа систематизации. Но ведь в конечном счете библиотека бесконечна» [Шимманг 2013: 55].

ника: «Я несколько раз пытался, что называется, жить в миру, <...> но всякий раз чувствовал себя как монах, которого внезапно изгнали из монастыря. Я не ориентируюсь там (в реальном мире – В. Б.)» [Шимманг 2013: 132]. Но и в библиотеке, как ни парадоксально, он не находит должного успокоения.

Итак, оба героя – и Зандер, и его последователь Ульрих Андерс – терпят поражение в своих устремлениях. Всецело погрузившись в работу, став «членом избранного круга» [Шимманг 2013: 57], Ульрих слепо верит убеждениям и стремлениям своего наставника, который заведомо скрыл от него правду о любовной интриге Фродо и Элионор, думая, что строительству библиотеки не должны мешать личные чувства: «А что мне было делать? Вы оба тут работали, и Фродо, и ты. Как бы у нас все шло дальше, если бы ты внезапно об этом узнал? Тогда бы вообще нельзя было работать. А что стало бы с библиотекой?» [Шимманг 2013: 331–332]. Зандер вынужден закрыть библиотеку и предаться книжному аскетизму, погрузившись в мир художественных фантазий и грез литературы. Ульрих же утрачивает доверие как к наставнику, так и к книгам. Литературная эрудиция героя и, одновременно, ее несостоятельность не спасли его от превратностей судьбы. Сравнивая свою жизнь с пребыванием под «стеклянным куполом», повествователь безнадежно теряет иллюзии, возвращенные Зандером и художественной литературой.

В. Изер настаивал на том, что читателю необходимо не просто абстрагироваться от иллюзий, а стремиться к сбалансированному чтению: «Многозначность текста и читательское творение иллюзии противостоят друг другу. Если бы иллюзия возобладали, исчезла бы многозначность текста; если бы многозначность была всеильна, это привело бы к полному разрушению иллюзии. Обе эти крайности возможны, но в каждом литературном тексте мы всегда находим между ними одну из форм равновесия» [Изер 2004: 215]. Немецкий романист, вопреки идеям теоретика рецептивно-эстетической школы, делает Ульриха и Зандера жертвами гигантского обмана. Учитель и его ученик не способны объективно интерпретировать содержание прочитанных книг, становясь жертвами пленительной иллюзорности, коварно скрывающейся в литературе. Именно такой итог роман-ным судьбам своих героев подводит Й. Шимманг.

Таким образом, проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Романы «Чтец» Б. Шлинка и «Новый центр» Й. Шимманга объединяет характерная для металитературы проблема «сложных, противоречивых отношений искусства и реальности, вымысла и конкретных жизненных обстоятельств» [Зусева-Озкан 2014: 17]. И Ханна Шмиц, и Ульрих Андерс пытаются примирить два полюса (жизни и слова), исследуя собственную идентичность и стремясь обнаружить точку опоры в трагическом мире, охваченном нескончаемыми конфликтами.

Вместе с тем, в произведениях двух авторов реализуется сюжет о чтении и связанный с ним мотивный комплекс постижения героями-читателями нравственных уроков литературы. В тексте Шлинка, несмотря на трагический финал личной истории Ханны Шмиц, ярко выражена мысль о позитивном влиянии художественной литературы на героиню. «Большие надежды», которые преследует Ханна в стремлении познать окружающую ее действительность и саму себя, оправдываются. Следовательно, духовное становление героини как личности завершается: она полностью осознает свою причастность к исторической катастрофе, чувствуя себя не просто орудием милитаристской идеологии нацизма, но и человеком, несущим свою долю ответственности за свои преступления.

Ульрих и Зандер, герои романа Й. Шимманга, также пытаются применить литературный опыт в собственной жизни и с помощью художественной словесности осуществить проект возрождения целой нации. Однако иллюзии, подпитанные «библиофильским мифом» [Приказчикова 2010], не находят в романе своей реализации, а вера героев в могущество книжного знания оборачивается крахом. Шимманг показывает, какими разрушительными последствиями могут обернуться иллюзии литературоцентричного сознания.

Таким образом, в обоих романах мысль о литературе реализуется через культурную мифологию чтения, основу которой составляет идея об исключительной роли словесности в просвещении и становлении человека как личности. Однако интерпретация данного феномена осуществляется немецкими романистами совершенно по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс. Универсал, 1994. – С. 462–518.
- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 672 с.
- Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 330 с.
- Беньямин В. Я распаковываю свою библиотеку // Маски времени. Эссе о культуре и литературе: пер. с нем. и франц. / сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 432–444.
- Грасс Г. Продолжение следует... – 2000. – URL: noblit.ru/node/1025 (дата обращения: 19.09.2019).
- Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. – М.: Intrada, 2014. – 488 с.
- Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / сост. И. В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 201–224.
- Кучумова Г. В. Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980–2000 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. – Самара, 2010. – 48 с.
- Платицына Н. И. Проблема «Непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» // Филологическая регионалистика. – 2015. – № 3–4 (15–16). – С. 29–34.
- Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2010. – 50 с.
- Турьшева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 286 с.

- Турьшева О. Н. Проза о читателе как форма саморефлексии литературы // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 70–75.
- Турьшева О. Н. «Библиотекари»: миссия невыполнима? (Мифология книги в современном массовом и интеллектуальном искусстве) // Культ-товары: массовая литература современной России: между буквой и цифрой: сборник научных статей / под ред. М. А. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – С. 97–110.
- Чугунов Д. А. Литература поиска (постмодернизм в Германии и его преодоление) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 103–107.
- Шарыпина Т. А. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1–2. – С. 267–271.
- Шимманг Й. Новый центр: роман / пер. с нем. И. С. Алексеевой. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. – 344 с.
- Шлинк Б. Роль права в преодолении прошлого / пер. с нем. К. Левинсона // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 330–354.
- Шлинк Б. Чтец: роман / пер. с нем. Б. Хлебникова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 256 с.
- Butzlaff F. Die Neuen Bürgerproteste in Deutschland: Organisatoren – Erwartungen – Demokratiebilder. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. – 304 S.
- Donahue W. Illusions of Subtlety: Bernhard Schlink's Der Vorleser and The Moral Limits of Holocaust Fiction // German Life and Letters. – 2001. – Vol. 54. – № 1. – P. 60–81. – DOI: 10.1111/1468-0483.00189.
- Iser W. The act of reading: a theory of aesthetic response. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. – 239 p. – URL: epdf.pub/the-act-of-reading-a-theory-of-aesthetic-response.html (дата обращения: 19.09.2019).
- Niven B. Bernhard Schlink's "Der Vorleser" and the Problem of Shame // The Modern Language Review. – 2003. – Vol. 98. – № 2. – P. 381–396. – DOI: 10.2307/3737818.
- Shimmang J. Neue Mitte. Roman. – Hamburg: Edition Nautilus, 2011. – 320 S.
- Schlink B. Der Vorleser. – Zürich: Diogenes, 1997. – 206 S.

REFERENCES

- Bart, R. (1994). Udovol'stvie ot teksta [The Pleasure of the Text]. In *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress Universal, pp. 462–518.
- Ben'yamin, V. (2004). Ya raspakovyvyayu svoyu biblioteku [I'm Unpacking My Library]. In *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature*. Saint Petersburg, Simpozium, pp. 432–444.
- Blum, G. (2017). *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages] / transl. by D. Kharitonov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 672 p.
- Boroznyak, A. I. (2004). *Proshloe, kotoroe ne ukhodit. Ocherki istorii i istoriografii Germanii XX veka* [The Past that Doesn't Go Away. Essays on the History and Historiography of Twentieth-century Germany]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 330 p.
- Butzlaff, F. (2015). *Die Neuen Bürgerproteste in Deutschland: Organisatoren – Erwartungen – Demokratiebilder*. Bielefeld, Transcript Verlag. 304 p.
- Chugunov, D. A. (2013). Literatura poiska (postmodernizm v Germanii i ego preodolenie) [The Literature of Search (Postmodernism in Germany and its Overcoming)]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 2, pp. 103–107.
- Donahue, W. (2001). Illusions of Subtlety: Bernhard Schlink's Der Vorleser and The Moral Limits of Holocaust Fiction. In *German Life and Letters*. Vol. 54. No. 1, pp. 60–81.
- Grass, G. (2000). *Prodolzhenie sleduet...* ["To be continued..."]. URL: noblit.ru/node/1025 (mode of access: 19.09.2019).
- Iser, W. (1978). *The act of reading: a theory of aesthetic response*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p. URL: epdf.pub/the-act-of-reading-a-theory-of-aesthetic-response.html (mode of access: 19.09.2019).
- Izer, V. (2004). Protsess chteniya: fenomenologicheskii podkhod [The Reading Process: a Phenomenological Approach]. In *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 201–224.
- Kuchumova, G. V. (2010). *Roman v sisteme kul'turnykh paradigm (na materiale nemetskoyazychnogo romana 1980–2000 gg.)* [The Novel in the System of Cultural Paradigms (Based on the German-language Novel 1980–2000)]. Avtoref. dis... d-ra filol. nauk. Samara. 48 p.
- Niven, B. (2003). Bernhard Schlink's "Der Vorleser" and the Problem of Shame. In *The Modern Language Review*. Vol. 98. No. 2, pp. 381–396.
- Platitsyna, N. I. (2015). Problema «Nepredolennogo proshlogo» v romane B. Shlinka «Chtets» [The Problem of the "Insurmountable Past" in B. Shlink's Novel *The Reader*]. In *Filologicheskaya regionalistika*. No. 3–4 (15–16), pp. 29–34.
- Prikazchikova, E. E. (2010). *Kul'turnye mify i utopii v memuarno-epistol'noy literature russkogo Prosveshcheniya* [Cultural Myths and Utopias in the Memoir-epistolary Literature of the Russian Enlightenment]. Avtoref. dis... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 50 p.
- Schlink, B. (1997). *Der Vorleser*. Zürich, Diogenes. 206 p.
- Sharypina, T. A. (2012). Nemetskaya «Odisseya» Bernkharda Shlinka [German "The Odyssey" by Bernhard Schlink]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 1–2, pp. 267–271.
- Shimmang, J. (2011). *Neue Mitte. Roman*. Hamburg, Edition Nautilus. 320 p.
- Shimmang, J. (2014). *Novyi tsentr: roman* [New Center: Novel] / transl. by I. S. Alekseeva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 344 p.
- Shlink, B. (2005). Rol' prava v preodolenii proshlogo [The Role of Law in Overcoming the Past] / transl. by K. Levinson. In *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 330–354.
- Shlink, B. (2016). *Chtets: roman* [Reader: Novel] / transl. by B. Khlebnikov. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. 256 p.
- Turyshcheva, O. N. (2010). Proza o chitatele kak forma samorefleksii literatury [Prose about the Reader as a Form of Self-reflection of Literature]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 70–75.
- Turyshcheva, O. N. (2011). *Kniga – chtenie – chitateľ kak predmet literatury* [Book – Reading – Reader as a Subject of Literature]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 286 p.
- Turyshcheva, O. N. (2018). «Bibliotekari»: missiya nevyopolnima? (Mifologiya knigi v sovremennom massovom i intellektual'nom iskusstve) ["The Librarians": Mission Impossible? (Mythology of Book in Contemporary Mass and Intellectual Art)]. In Chernyak, M. A. (Ed.). *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoi Rossii: mezhdubukvoi i tsifroi: sbornik nauchnykh statei*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, pp. 97–110.
- Zuseva-Ozkan, V. B. (2014). *Istoricheskaya poetika metaromana* [The Historical Poetics of Metanovel]. Moscow, Intrada. 488 p.

Сведения об авторе

Биктимиров Владислав Эдуардович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).
Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
E-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru.

Author's information

Biktimirov Vladislav Eduardovich – Post-graduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).